

ЭТИЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ “РОДНАЯ ЗЕМЛЯ”

ВЫПУСК СОРОК ВОСЬМОЙ:

Вячеслав Ушаков

УМОМ РОССИЮ НЕ ПОНЯТЬ...

Рафаэль Тер-Арутюнян

**КРАТКОЕ КОНЦЕПТУАЛЬНОЕ
ОБОСНОВАНИЕ ПРАВ ГРАЖДАН
НА РОССИЙСКУЮ СОБСТВЕННОСТЬ**

Февраль 2012

Анатолий Вайнер

НЕ ГОТОВЫ

Много раз давали слово,
Не сдержали много раз.
Обещаем нынче снова:
Будет всё и вся у нас.
Лихо цокают подковы,
Без седла, да на коне.
И как прежде не готовы
Мы ни к миру, ни к войне.
Сколько раз давали слово
Быть на Марсе, на Луне.
И как прежде не готовы
Мы ни к лету, ни к зиме.
Всем прощаем, обещаем:
Станет жизнь у нас иной.
Не готовы к урожаю,
Не готовы к посевной.
Тьма вождей у нас бедовых –
Сатана на сатане.
Мы, хоть тресни, не готовы
Ни к победе, ни к беде.
Мы рабы идей бредовых,
Закалённые в борьбе,
Очень часто не готовы
Помогать своей судьбе.
Вот оно! Не потому ли
Столько всюду мёртвых душ?
Наши лодки потонули
В круговерти мёртвых луж.
Вертолёты, самолёты
Норовят с небес упасть.
Что поделать, обормоты,
Наша сила, наша власть.

УМОМ РОССИЮ НЕ ПОНЯТЬ...

~ 2000

Умом Россию не понять...

Но можно ли в Россию верить..?

Откуда мы родом? Вопрос этот звучит для нас бесконечным рефреном. Мы боимся заглядывать в далекое прошлое, не находя там тех мифов, из которых строятся ожидаемые ответы. Мы уже боимся всматриваться в прошлое недалёкое – ибо ответы те нас отталкивают.

Мы родом из **идеи**. Идеи о русском предназначении, идеи о таинстве русского духа. Русская идея меняла обличья, но никогда не находила своего окончательного воплощения. Непонятая русскость не даёт уму зацепиться и найти ответ. Вера же в идею иссыкает, когда разрушаются храмы.

Русский дух, русское государство, русская экономика. Добавив русскость к уже устоявшимся понятиям, вдруг понимаешь, что русскость тут же начинает их разрушать. Русский дух противостоит духу вообще. Русское государство мыслит государство в совсем ином понятийном пространстве. Русская экономика с трудом сопоставима с любой другой экономикой. Русское слово соотносится полно само с собой лишь в вопросах веры и литературы, но оно растворяется и исчезает, стоит только обратиться к науке, праву, технике, экономике, философии.

Русский, русская, русское... проявляют себя как нечто самозначимое – как прилагательные, меняющие саму суть тех вопросов, к которым они обращены.

Помыслить Россию невозможно. Не только потому, что такое понятие не сформировано, но и потому, что инструмент мышления – язык русский – не обладает всей той полнотой, которая позволила бы найти в себе адекватные ответы. Островки заимствования слов и понятий не интегрируются в русское мышление, теряя в нем свои исходные смыслы.

Возникает мучительная проблема не только понимания, но и безъязыкости, когда невозможно (просто нечем) в языке отразить все те проблемы, которые стоят перед нами. Необходим бесконечный подстрочник перевода с языка наших “умозаключений” на язык их истинного смысла в “русском” понимании.

Причитание “осталось только верить” превращается в бессловесное почитание безымянного предмета веры.

Русская идея превращается в набор слов, особенность которых в том, что они подчеркивают лишь свою русскость. Погружаясь в эту череду слов, начинаешь понимать – “... как далеки они от народа”.

Чтобы взглянуть в существо русской идеи и хоть как-то уловить ее смысл, необходимо пройти подстрочником перевода **по ключевым вопросам** русской жизни.

Кто мы?

Ответов множество, но нет успокоения. Внутренняя русская самооценка принимает все ответы, но отталкивает их ещё сильнее. Да и сами ответы, в своём большинстве построены на постоянном отрицании. Мы – ни то, ни то и ни то, мы – другие. Но какие? Русскость превращается в бесконечное самоотрицание. Относить себя к русским становится даже неприлично. Русская принадлежность начинает восприниматься как некий признак самоограничения. Но мы есть, и вопрос самопонимания остаётся.

Наше самопонимание не находит себя ни в кровных узах, ни в национальности, ни в гражданстве. Бог, явившись на нашу землю, вдохнул в нас культуру. Культура стала нашей верой – ей мы поклоняемся, в ней ищем свои ответы, по ней строим свою жизнь, возводим ей “храмы”.

Культура в понимании русского бога – это не только феномены культуры и её памятники, но некая целостность, как совокупность всего нашего жизненного уклада, закреплённого в словах, действиях, привычках, обычаях, верованиях, в материальных и нематериальных носителях культуры.

Главный стержень культуры русской – это слово, русское слово, вплетённое в саму её ткань. Принадлежность к русской культуре определяется не национальными признаками, а самоотождествлением себя в языке вне всякой национальной принадлежности. Русскость выступает как прилагательное, объявляющее всякого русским, объединяющее всех русских вне зависимости от происхождения – по праву их приобщения к русской культуре. Русским может быть и русский немец, и русский якут, и русский прибалт и просто русский. Самоназвание становится сутью русской культуры.

Мы русские лишь потому, что говорим и думаем по-русски. Но это не означает, что русская культура самодостаточна в языке. Язык – лишь точка начала, лишь точка отсчёта.

Русское слово

Русское слово само по себе есть верование. Вплетаясь в культуру, оно наполняет её смыслом, сохраняя при этом свою отстранённость.

В русском слове нет однозначной определённости, но слова, переплетаясь, наполняясь смыслами друг друга, рождая грани одного и того же в небольших оттенках звучания, создавая множественную палитру в разном именовании мира, превращаются в тот сгусток смысла, который наполнен глубиной понимания и проникновения во что-то неведанное.

Русское слово в единой точке собирает всю устремленность к постижению мира.

В русском слове, как и в русском сознании, обнаруживаешь не только глубину, но и самодостаточность слова, его неточность, а подчас и ненужность слов. Порой в одних и тех же словах начинает проявляться уже не глубина смысла, а бессмысленность пустого словоговора. Рождается игра слов, в которой словесный поток легко заменяет духовный поиск.

Русское слово находит себя наиболее полно во внутреннем самоощущении, в точке внутренней самоустремленности ко всем вопросам бытия одновременно. Устремляясь вовне, к обнаружению другого – другого мира, понимания его границ и пределов, оно теряет свою глубину, становится никчёмным и ненужным. В нём отсутствуют целые пласты языка, имеющие внутренний смысл русского слова и при этом фиксирующие определённую, однозначность, точность суждений и понятий, отражающих те или иные явления жизни.

Рождается слово-заимствование, которое оказывается внутренне разрушительным по отношению к этим терминам и понятиям. Заимствованные из других языков слова, растворяясь в русском языковом пространстве, превращаются лишь в звучащие знаки. Обрастая рускостью, они стремятся к многозначности, так и не приобретая её глубины. В них исчезают их исходные смыслы, но не прорастают новые. В то же время происходит как бы подмена сути. Русская действительность, обозначаемая заимствованным термином, не укладывается в него, не узнаёт себя в нём. Эти слова становятся знаками другой жизни. Стремясь в них понять себя, мы не обнаруживаем понимания, но свыкаемся со словом. Происходит сдвиг и устоявшихся русских понятий. Оруэловский “новояз” продолжает разрывать наше сознание.

Разрушены не только пласты речи, связанные с точностью описания, но и те пласты, которые создают заповедные зоны любого языка – язык обращения к высшим ценностям и язык проклятий. Язык клятв и молитв – вне которого невозможно обратиться к Богу, но который не должен быть доступен повседневности пользования – оказался растворен обыденной речью. Высокие слова приобрели звучание пустопорожних лозунгов, смешались с застольностью кухонного разговора. Язык проклятий, пользование которым допустимо, только когда исчерпаны все другие средства, потерял запретность в обыденной речи, перестал быть табу.

Ложь и логос – одного корня так же, как клятва и проклятие. Лживость слов лишает нас знания русской жизни. Ненужность клятв наказывает проклятием языка.

Само слово отторгает нашу действительность. Рождается разрушительная бессмысленность языка. Всё, что понимается, – бессловесно, понимается иное – не то, что звучит. Всё, что говорится, – говорится ни о чём. Такое слово не рождает ни мысли, ни действия. В нём

остаётся лишь выражение чувства глубокого удовлетворения от принадлежности к общности словоговорящих.

В том и сложность подстрочника перевода смыслов русской жизни, что их обнаружение возможно лишь в постоянном потоке русской речи, но эта речь не полна теми знаками, из которых рождается поток. Есть знаки – свидетельства русского словоговорения, но безумно мало знаков – свидетельств русской жизни.

Необходимо вновь и вновь восстанавливать эти знаки, наполняя их тем смыслом, который позволит не только отразить мир вокруг себя, но и даст необходимый инструмент русской мысли.

Русская мысль

Русская мысль беспредельна. Она сама в себе находит весь мир и весь мир включает в себя. Она не знает границ. В ней есть богоустремленность – тогда она само откровение, но она способна замкнуться на внутреннюю самодостаточность, отрешаясь от мира, находя весь мир в себе и делая этот мир как бы ненужным и в чём-то незначительным. Её простор – стихия, где нет ничего предзаданного. Но не найдя этого простора, в ней рождается “дух” разрушения, разрушающий все и всяческие границы.

Русская мысль бездеятельна – действие тяготит её, обременяет “бездуховностью” повседневного бытия. Её размах – весь мир, а не какая-то конкретика обыденного действия.

Русская мысль “естественна”. Конкретное знание, заданное границами сформировавшихся понятий, трудно интегрируется в русское сознание, – оно стремится познать всё и вся напрямую. Когда это удаётся, рождаются гениальные прозрения, но чаще вновь и вновь изобретается “велосипед”. Образование, как “окультуривание” русского мышления, внутренне для него противоречиво – “естество” сопротивляется всякой внешней регламентации.

Русское сознание двойственно. Как со-знание, оно устремлено к знанию со всеми вместе и обо всём. В этом понимании оно – апокалиплично. Но дух нигилизма его не покидает даже в точке конца всего и вся. Беспредельность порождает крайности – всеохватность и всеотрицание – либо всё, либо ничего. Пространство между ними в русском самоощущении ничем не заполнено.

Русское самосознание, устремляясь к недостижимому, стремится постичь себя во всём, наполняя весь мир собой. Стремление постичь весь мир и мир в себе, движимое напряжением духовного поиска, создаёт полноту русского самоосознания. Другая его грань, растворяясь в самокопании, обнаруживает замкнутость себя в слове.

Русский дух испытывает на себе разрушительность сразу двух стихий: стихии собственной непонятой беспредельности и стихии её словесной невыраженности. Внутренняя суть русского духа – постоянный поиск, постоянная устремленность за все и всяческие пределы и границы –

не наполнилась ещё глубиной понимания, не приобрела ещё полноты звучания.

Социальная стихия

Безграничность русского самосознания накладывает своё понимание на русскую социальность. Осознание себя всей Россией – общее для русского самоощущения. Но русский чиновник – он ведь тоже русский. Дилемма “власть и народ” приобретает иное звучание – русский во власти и русский вне её.

Русский властный произвол – это проявление в обществе беспредельности русской природы, произвольности её социального действия. С другой стороны, произвольность и беспредельность русской социальной стихии ограничена произволом власти. Но властный произвол, сохраняя собственную неограниченность, в свою очередь, оказывается ограничен стихией народной воли.

Стихия ограничивает стихию, оставаясь стихией. Формируется встречный регулятор самоограничений. Но это же порождает и несоответствие. Если внутренняя устремленность беспредельна, то её ограничение противостоит её сути. Властный произвол оказывается единственным возможным ограничителем произвольности, а, значит, и разрушительности социальной жизни (как соединения разнонаправленных волей). В то же время он полностью не отвечает внутреннему запросу общества, суть которого – беспредельность и размах русской души.

В том и особенность героических периодов отечественной истории, что обуздав личную стихию, воли, соединяясь, устремлялись к единой цели, порождая гигантскую мощь стихии социальной.

Исчезновение внешнего начала, единящего воли всех, возвращает к “хаосу” чиновничьего государства, которое вводит беспредельность и размах русской души в “унылые” берега повседневной общественной жизни.

Проявление безграничной русской природы в социальной жизни противоречиво – она порождает взаимоисключающие принципы: я отвечаю за всё, не зная границ ответственности, и я ни за что не отвечаю, являясь маленькой частицей большого целого под названием государство, что порождает полную безответственность. Такая противоречивость разрушительна. Она разрушает сам строительный материал социальной культуры. Но и попытки ввести строгое разграничение прав и обязанностей не принимаются внутри общества.

Примеривая западный опыт к нашей действительности, мы не замечаем сколь регламентированы западные сообщества, сколь атомарно их социальное устройство, где очень жёстко разделены все грани социального механизма. Западная культура не знает русского космоса, в ней совокупность определённых прав и обязанностей закрепляется на каждой социальной ступени, вплоть до уровня рядового гражданина. Русской культуре, русскому характеру чужда эта регламентированность.

Произвол безответственности и беспредел всеответственности находит своё разрешение в коллективной ответственности, когда происходит отождествление личного “я” с коллективным “мы”.

Но к нам не применима и жёсткость социального подчинения восточного образца. Стихия народной жизни рассматривает жёсткость подчинения лишь как внешнюю социальную форму, не отождествляясь с ней, но оставляя за собой право ей не подчиняться. Более понятным является ранжированность общества – наличие негласного и гласного “табеля о рангах” – дабы каждый знал своё место.

Мы не Восток, но и не Запад. Мы обращены к личному самоосознанию, но нам не свойственна западная исключительность индивидуальности, – так же как нам не свойствен западный социальный порядок, понятый как общественный договор. Мы тяготеем к коллективному единству, но не готовы принимать самоотчуждение в коллективе с утратой личностного начала, – что так присуще Востоку с его нерасчленимой социальной целостностью.

Нам внутренне ближе устремление от личного к коллективному – осознавая собственную индивидуальность, мы устремляемся к общим задачам и идеалам. Нам ближе сама устремлённость, сохраняющая и нас как личностей, и не отторгающая коллективность нашего “я”, а не преобладание того или иного начала.

В этом обнаруживается и та полнота смысла, которая заложена в самоназывании самих себя. Я – русский (я чей-то, я что-то, я кто-то). Здесь соединяются и личный план, и принадлежность к чему-то иному, к чему-то большему. К тому большому, где личное устремлено в стихию социального целого, находя в нём своё социальное отражение.

Законоустройство русской жизни

Регламентация русской социальной и политической жизни в форме закона, написанного на бумаге, не обладает характером культурной заданности. Неписанный “закон”, отражающий реальные социальные нормы, негласен – причем негласен принципиально. Негласность сама есть социальная норма.

Негласный закон “предписывает” необязательность писаного закона. Постыжение негласных норм становится формой посвящения в русскую жизнь, формой приобщения к ней.

Закон в русском самосознании не является самостоятельной ценностью. Закон постоянно противостоит справедливости, т.е. отсутствующее правовое сознание противостоит “незаконному” пониманию справедливости – что жить надо не по закону, а по совести. Понимание справедливости, как социального регулятора, есть отражение той культурной традиции, которая отождествляет закон и установление всеобщей социальной правды.

Понимание справедливости по разному наполняется жизнью. Нередко она понимается как самозначимость коллективного мнения,

противостоящего мнению личному. За выражение социальной правды может приниматься и то, что ещё вчера казалось невозможным, а порой и недопустимым, но этих противоречий для общества как бы и нет. Общественное сознание не замечает этих различий, трактуя справедливость как абсолютную ценность.

Справедливость, наполненная же смыслом постоянного поиска социальной правды, отражает сам принцип законоустройства общества в русском понимании. Не найденный раз и навсегда порядок, а постоянный поиск правды и праведности. Жизнь переменчива, но переменчива и правда. Найденные ответы становятся новыми вопросами. Найденные решения ставят новые проблемы.

Целостность культуры

Русская культура понимает себя как верование. В ней не произошло деления целостности культуры на разные составляющие единого социального целого, что столь знакомо Западу – общественно-политическое устройство, материальное производство и культура как таковая. У нас отсутствуют как самостоятельные ценности политическая культура и культура материального производства. Более того эти “культуры” вообще не понимаются как культуры.

Внутренней ценностью русской культуры был и остаётся мир духовный, что оставляет малозначимым мир материальный, который воспринимается скорее как обременение высшей устремлённости. Это приводит к отсутствию самостоятельных русской культуре форм материального производства. Происходит постоянное формальное заимствование хозяйственных моделей иных культур, часто схожее лишь с внешней атрибутикой этих форм хозяйствования. Они не приживаются на российской культурной почве, и в дальнейшем отторгаются. Жизнь идёт всё время как бы мимо заимствований, развиваясь по своим законам.

Более того, материальные ценности кажутся настолько малозначимыми, что в нашей культуре нет присущей другим культурам значимости их сохранения. Разрушение церквей является чудовищным деянием, меняющим не только духовный, но и материальный облик земли нашей. Но само разрушение таких “построек” не вызвало вселенского потрясения в народном сознании, ибо строительство церквей воспринимается лишь как материальный символ служения Богу, но не как само служение.

Восприятие в русском понимании общества как единого целого приводит к несуществованию политической культуры как некой значимости социальной жизни. Политической культурой российского государства является “культура” постоянной борьбы за власть. Но это не мешает при отсутствии собственной внешней формы политического устройства постоянно примеривать внешние формы других культур, что приводит к лёгкости формального их заимствования, а чаще заимствования терминологического и последующего их столь же лёгкого

отторжения. Правда “термины” могут прожить в политическом лексиконе более долгую жизнь. Самозамкнутым тождеством русской культурной традиции является не политика, не политическое устройство общества, но Власть.

Формируясь как культура, русское самовосприятие национально инертно, для него национальность не является каким-то определяющим признаком. Россия понимается как простор и пространство русской культуры, которая вбирает в себя всё, вне всякой национальной и религиозной принадлежности, создавая единое культурное пространство для включения в него различных наций и народностей, для возможного диалога культур.

Это создает особую выделенность русской культуры. Что, в свою очередь, приводит к пониманию России не как национального, государственного или территориального образования, а именно как социального устройства русской культуры.

Сегодня предзаданность конечных ответов размывает поиск нашей собственной сути. Опять происходит примеривание чужих культурных одежд поверх российского тулупа. Социальные нормы различных культурных традиций разрывают русское самоотождествление. Возникает необходимость прервать цепь бесконечных примерок, но сформировать внутренний, культуру осознающий поиск, который уже позволит соотносить культуру российскую с культурами иными.

При этом формирование словесного и текстового культурного пространства не должно подменять осмысление и освоение всего пространства культуры. Есть опасность подмены реального культурного поиска поиском слов в “культурном” кухонном разговоре. Есть опасность подмены культурного поиска поиском новой идеологии. Но суть любой идеологии именно в отказе от поиска. Идеология избавляет человека от необходимости думать, заменив её ограниченным набором идеологических штампов на все случаи жизни.

Не только под угрозой очередного нашествия или под твёрдой рукой ещё одного диктатора может обнажиться социальный нерв, собирающий в себе устремленность всех волей в поиске лучшей доли – его обнаруживает сама жизнь. Этим социальным нервом способна стать совесть народа. Со-весть, как весть о другом, весть о собственном долге, весть о собственной ответственности за нашу общую судьбу. Совесть не приобретаема, она вживлена в наше мироощущение. Утрата вести о другом влечёт утрату русского самоотождествления. Её пробуждение даёт нам возможность найти выход из сегодняшнего тупика. Но в это надо верить.

Власть

Главным и ключевым словом и понятием нашей жизни является ВЛАСТЬ. Столь болезненное для нашего сознания понятие, что прикосновение к нему обжигает. Власть для нас есть что-то одинаково и враждебное, и сладострастное.

Власть – это верование и страсть одновременно. Власть понимает себя как Власть. Умом её не понять – с ней надо сжиться.

Органика нашей культуры превращает власть в нечто самоценное и самодостаточное. Русская власть есть обуздание русской социальной стихии. Нет во власти иной задачи, чем слияние с ней. Всё, что она даёт, – это быть ею, быть в ней, оставаться постоянно при ней. Обладание ею не требует иного умения, кроме как способности к её захвату, удержанию и преумножению. Дележ власти почти невозможен – это отдаёт какой-то болезненностью.

Сохраняя внешние атрибуты “государственного управления”, внутри себя она в них не нуждается. Она сливается с государством.

Её внутренняя устремленность – это постоянное подтверждение своего существования и присутствия. Её обнаружение происходит на каждом шагу. Её основное право не в поддержании социальных норм, но в постоянной их смене и новому установлению. Она не знает ответственности перед обществом, а её произвол ничем, кроме неё самой, не ограничен.

Не тотальное регулирование всех сторон общественной жизни ею движет – понятие регулирования ей совсем чуждо, – а своё собственное обнаружение в форме права на формирование самой социальной жизни.

Борьба за власть

Основной принцип существования власти – это борьба за власть. Не борьба интересов – социальных групп, политических партий и группировок, отдельных личностей – её самоценность, а постоянная борьба за власть. Причём не борьба персонифицированная – к личностям у неё пониженный интерес, – а борьба власти с собой же за самое себя. Представленность же конкретных лиц в этой борьбе – лишь некий флёр заигрывания с “реальной” жизнью. В рамках этой борьбы происходит постоянное воспроизводство власти и всей поддерживающей её чиновной пирамиды. Меняются лица, но остаётся Власть.

Ключевым в этой борьбе, её символом является борьба за обладание “государевым престолом”. Формы восшествия на него (демократические, партийные или монархические) не важны, важен захват самой власти – отождествление с Взошедшим на престол всей власти в государстве и как признание этого – “присяга на верность” ему чиновничьей братии.

Задача её удержания и преумножения – это постоянное подтверждение присягнувших чинов верности престолу и удаление тех, кто заставил сомневаться в их присяге, а также создание недостижимости престола для всех толпящихся у него и жаждущих на него взойти. При этом власть, как единое целое, стремится к полному слиянию с государством, когда становится неразличимым, кто есть кто (кто – государство, а кто – власть в государстве). Этот принцип распространяется на всю иерархию власти.

Персонализация такой борьбы носит характер “откровений” между Первым лицом во власти и лицами, к ней устремлёнными и уже приближёнными к ней. Право на это откровение и содержит всю внутреннюю коллизию борьбы. Процесс смены власти, а точнее лишь замена персоны, являющегося Первым лицом, есть “откровение” более высокого порядка. Совсем сжато это звучит как: есть мнение (чьё неважно) – Бога, народа, аппарата, отдельного в ней чиновника или ещё бог знает кого. Но самое высокое “откровение” – это откровение самой Власти вне всяких лиц и должностей. Право быть носителем этого откровения является наивысшим в ней достижением. Это происходит уже с почти полной потерей собственного лица.

Выработка этого “откровенного” мнения и определяет процедуру смены власти. Мнение родилось – далее тишина. Власть негласна. Она дана “свыше”, и суждения её не могут иметь личностного значения, исчезает всё, что позволило бы понять, как формировалось мнение.

Выработка мнения не просто “борьба под ковром” или кулуарность принятия решений. “Мнение” – это та стихия, в которой важны даже дуновения. В ней нет правил – одни “откровения”. В ней нет правил, кроме единственного – мнение обезличено. Каждая попытка придать ему личностный оттенок заканчивается его отторжением. Есть мнение – оно есть, но нет лиц, его высказывающих.

Его формирование пугается публичности, но публично же о себе заявляет через слухи, недомолвки и недосказы. Оно чурается всякой конкретики. Конкретика “бездуховна”, тогда как мнение предельно “одухотворено”. Выработка мнения растворяется в настроениях, расстановке столов, убранстве кабинетов, изменении часов приёма, очередности болезней. Мнение есть – в этом его наивысшая сила. Сама же процедура смены власти выявляется в процессе его проявления. Причем неважно, будет ли это дворцовый переворот, отречение от престола, выборы или решение Политбюро. Главное – взять власть.

Задача её удержания – это уже процесс формирования “общественного мнения”. Его наполняют “мнения” с мест, “решения” трудовых коллективов, “всенародная поддержка” правильной линии, “предсказания” астрологов, высказанные вроде бы в прошлом году, исторические “анalogии” как последние достижения науки. Сила такого общественного мнения в том и состоит, что оно всеобщее и безальтернативное. Его исчезновение лучше всего свидетельствует о том, что где-то в глубине “народных масс” рождается новое “мнение”.

Преумножение власти есть пришествие “высшей благодати”, когда вся остальная жизнь меркнет в сравнении с ней. Она не определяется какими-то конкретными результатами, достигнутыми властью, высшая благодать выявляется лишь при пристальном всматривании в жизнь и обнаружении того, что обыденное сознание не способно заметить – “рост благосостояния народа”, “жить стало веселее”, “беспримерные достижения в труде и общественной жизни”. Пристальность взгляда, его специфичность позволяет всё это разглядеть.

Удержание и преумножение власти не прекращает борьбу за неё, а только трансформирует, делая более невидимой глазу, но от этого не менее острой и напряжённой. Борьба всё больше и больше переходит в стадию определения мест в табели о рангах.

Принимая оболочку “демократического государства” борьба за власть представлена в форме псевдоборьбы исполнительной и законодательной ветвей власти. Но каждая из этих “ветвей” (включая судебную) – осколки целостной и неразделённой власти. Борьба за власть в условиях демократии – принципиально иная. Она скорее напоминает большой политический торг.

В условиях демократии суть законодательной власти – законы принимать, соблюдая все демократические процедуры, так как закон должен отражать принципы социального согласия и принятие обществом этих законов. Наша же “законодательная” власть издаёт приказы (иначе назвать её творчество невозможно), но не знает, как заставить общество эти приказы исполнять. Суть исполнительной власти – законы исполнять, регламентируя всю работу государственных органов для их осуществления. Наша же “исполнительная” власть всё и вся регулирует. Борьба законодательной и исполнительной властей в условиях демократии отражает стремление соблюсти баланс интересов, представленных в обществе. В наших условиях – это всего лишь борьба за власть. Суть судебной власти – трактовать законы и механизмы их исполнения, выступая как сила, стоящая над схваткой интересов. Наша же “судебная” власть так и не решила, к кому примкнуть.

Сегодня нет в России противостояния властей – самих “властей” просто нет. Есть другое – непрописанность права на откровения со Властью, есть непрописанность мест в “табели о рангах”, есть неясность с тем, чем является Власть сегодня. Вот и идёт борьба за места, за право, за власть – и всё это вперемешку. Борьба носит “законодательно-исполнительный” характер. Никто не знает, за что он борется, однако борьба не прекращается и не затихает. Внутренняя суть власти не даёт этому произойти.

Государственное регулирование

Власть не регулирует какие-то рациональные формы социального поведения, независимые от неё: правила социальной жизни, управление экономикой, поддержание общественного порядка, борьба с преступностью. В ней нет самоограничения. Она видит себя всем государством в целом.

Государственное управление не совпадает с властвованием, но в нашем государстве они слиты. Различные формы государственного управления подразумевают всё же перечень каких-то целей, задач, проблем. Но если единственной целью и проблемой власти является борьба за неё, то управление теряет свой внутренний смысл. Рождается противоречие – власть стремится к слиянию не только с государством, но и с обществом, не имея никаких общественных целей, тогда как у

общества есть конкретные, отличные от власти цели и проблемы, т.е. общество стремится отделиться от власти.

Чтобы этот процесс не стал разрушительным для власти, она сама начинает предлагать обществу “цели”, “задачи”, “проблемы”. В них достаточно сложно выявить какую-то реальность, так как они ориентированы внутрь власти, представляя обществу лишь понятную ему оболочку.

Принятие реальных решений всё же происходит, но они направлены на очень узкий круг вопросов – либо внутри властной структуры для удовлетворения персонифицированных интересов, либо для демонстрации обществу своего присутствия и наличия властной воли. В перечень этих решений зачастую попадают совсем уж незначительные мероприятия, но в основном это “потёмкинские” деревни. Остальные решения носят декларативный характер, что заставляет общество решать свои проблемы, минуя властные институты.

Когда же власть сталкивается с необходимостью принятия действительно важных решений в жизни общества (а это возникает, только если власть ощущает реальную угрозу своему существованию), она демонстрирует уникальную неспособность принимать решения.

Решения власти не носят характера возможных альтернатив, которые позволяли бы добиваться результата при помощи смены решения, окажись один из вариантов неудачным. Решение всегда окончательно и бесповоротно и обычно самое наихудшее с точки зрения достижения социальных целей.

Безальтернативность и бесповоротность решений рождается из материала тех же “мнений” и “откровений”, что и борьба за власть. Достижение целей и откровения – вещи принципиально разные. Они разной природы. Цель имеет характер обязательной материализации, откровения – характер “духовный”. Информация для выработки решений подразумевает обработку данных о фактах и событиях. Откровения есть “анализ” мнений – с мест, от Бога, от Власти. Планирование, понятое как целеполагание, невозможно для такой власти в принципе.

Но, принимая решения, власть не ошибается лишь в одном – в достижении “цели” её удержания.

Мы и власть

Власть строится из того же материала, что и русская культура. Но у неё есть с ней и принципиальное несовпадение. Они обе одной природы – они есть верования, потому власть стремится к слиянию с культурой так же, как она стремится к слиянию с обществом. Но она не тождественна культуре, что рождает “ревность” власти по отношению к последней и отторжение от нее. Культура многоохватна и исторически вечна, власть конкретна и сиюминутна. Культура вмещает в себя не только общество, но и личность. Власть же личность не различает по своей внутренней природе тотального социального целого.

Выделяя из культуры лишь одну её грань, власть оказывается под воздействием её разрушающего начала, как начала стихийного, что и создаёт постоянную борьбу власти с культурой ... за власть.

Социальная ответственность, государственное управление, демократические процедуры, участие народа в управлении – сколь всё это не совместимо с нашей архаичной трактовкой власти, когда мы бесконечно ожидаем, что искра божья пронзит интуицией властителя милостью божьей и мы наконец-то попадём в царство небесное, где власть всевышняя – всесправедливая и всеблагая.

Беспредельность как ответственности, так и безответственности, порождает разделение страны как бы на две части: одна имеет всё, всем распоряжается, но ни за что не отвечает, и имя ей бюрократия, а вторая – ничего не имеет, кроме самоназвания, за всё отвечает и безуспешно защищается от произвола первой, и имя ей народ.

Мы не отстранены от власти – мы от неё удалены. Движение во власть требует специфического самоограничения – ограничения своего личностного начала, но при этом не каждый готов этим жертвовать. Так как власть совпадает с нами по культуре, то наши с ней взаимоотношения носят характер ритуальный. Мы её ругаем, когда она наступает нам лично на “мозоль”, но мы с ней единое целое – когда она поднимается на уровень коллективного “мы”. Нам необходима не правильность принятия ею решений, а всего лишь “ласка” и внимание, ощущение возможной принадлежности к ней, ощущение непокинутости властью. Наша всеответственность нас не тяготит, она компенсируется возможной нашей же безответственностью, в том числе и за себя.

Власть и разум в русском сознании разъединены. Участь интеллекта (и их носителя – интеллигенции) лишь в том, чтобы либо робко советовать, либо громко ругать. Власть отторгает интеллект, интеллект отворачивается от власти, а народ безмолвствует и живёт своей жизнью. Оставаясь архаичным, разрушительным началом, власть бесконечно сохраняет свою особость, а с ней и свою невежественность.

Попытки соединения власти и разума так ни разу и не увенчались успехом. Но это проблема не только власти, но и интеллигенции, ибо она, представляя сильно развитое личностное начало культуры, оказалась неспособной на адекватное устремление в народное “мы”. А приход во власть приводил к трансформации и подчинению в себе личностного начала. Разум “глупел”, не находя своего соответствия во власти.

Косный же чиновничий аппарат продолжает грызть свои удила власти, и всё никак не просыпается в нём искра божья. Ожидание того, что божья милость снизойдет на нашу власть, позволяет нам оставлять её в руках тех, кто нет – не враждебен нам по духу, – но даёт успешную подмену милости господней милостью чиновничьей касты, очень практичной, очень недалёкой, но умеющей пользоваться всем инструментарием государственной власти и нашим бесконечным ожиданием.

Чиновник – это тип русского человека, который готов ради общего дела на “самопожертвование” – на самоограничение властью, на самоограничение (и самоограниченность) в человеческом плане (но не в материальном).

В его понимании его ответственность – это ответственность не его лично, но ответственность государства, право же государства он воспринимает как и своё “право” тоже. Поэтому он не чувствует своего противопоставления народу. Он и есть тот самый народ, но особый его материал. Как только он попал в чиновничью касту и устремился к власти, его страстью и смыслом жизни становится сама власть. Градусом этой страсти, мерилom этой страсти является место в “табели о рангах”, которое не только определяет вес чиновного человека в “обществе”, но и его приближенность к власти – его личное право на высшие откровения.

Структура государства

Попытки разрушить бюрократическую структуру под лозунгом демократии бессмысленны, так как ныне существующая структура власти сама пронизана логикой разрушения. Проблема не в том, чтобы разрушить власть старую, но в том, чтобы **создать власть новую**.

Демократическая попытка построения власти почти обречена на провал. Нет и не было у нас государственной структуры в классическом западном понимании – как совокупности мест, безразличных по отношению к лицам, их занимающим. Так же как и не было государства в традиционном восточном понимании как социально нерасчленимой целостности, формирующей жёсткость иерархического подчинения.

Россия осваивала свою форму государственного развития: **соединение личного и коллективного**. Наложение государственной власти на эту социальную форму привело к тому, что власть оказалась противопоставленной обоим началам и разрушительной по отношению к ним. Государство как тотальное целое подавляло индивидуальные порывы, что, в свою очередь, порождало гигантов, противостоящих государственной машине. Государство как процедура действий отдельных граждан не давало сливаться коллективным усилиям, что преодолевалось лишь в отдельные героические периоды российской истории.

Суть государственности российской – **социальность особая**, в которой каждый её представитель – **государев человек**, носитель всей государственности в целом. Эта государственность не знает естественности и неотъемлемости гражданских прав и обязанностей – в ней **переплетены долг государственный с личным долгом**. В ней нет государственных служащих и структуры государственных должностей. В ней все люди служивые – государевы люди, а структура властных мест скорей напоминает **органическую структуру** – структуру скелетного вида. Служивые государевы люди неотторжимы от властных мест – представляя всё государство в целом и самих себя в государстве, обрастая государевыми связями как связями личными, а связи личные превращая в

государственные, они не только службу служат, но и кормятся от властных дел государственных.

Российская особенность смещает вопрос о форме государственности – от принципов национально-территориального устройства общества в различных видах и соотношениях к принципам иного свойства. Появляется понимание государственности как социально-личностного выбора принадлежности к тому или иному социальному образованию. Но этот выбор понимается не как выбор, закреплённый от рождения или по праву проживания на данной территории, а как выбор своей личной принадлежности к культуре, отождествление себя с ней, понятое как осознание своего личного долга и следование ему. Право выбора заложено в самой культуре и приобщение к ней формирует его принятие (или непринятие).

В традиционном виде такой выбор – это принадлежность подданных (т.е. облагаемых данью) к тому или иному образованию государственному. В то же время российское самосознание не знает свободы выбора, как выбора индивидуального – судьбы ли собственной или властителей своих, – но в нём сильно устремление к свободе воли. Власть в этом смысле выступает как форма социально-личностного воления (от воле-по-давления до воле-усиления).

Перед последней чертой

Перед последней чертой, когда либо брезжила близость обладания идеей, либо была опасность разрушения государственности, особенность государства Российского вдруг проявляла свою гигантскую силу. Но отход от последней черты уводил от постижения идеи, и шёл процесс распада и очередного перерождения (или восстановления) государства в чиновничий материал.

Опыт отечественных войн – яркое тому подтверждение, когда нашествие врага не сдвигало границу государства по линии боевых действий регулярных сил, а сама эта граница проходила через каждого гражданина. Это имело как форму партизанской войны, так и выражалось в любом виде патриотизма даже вдали от боевых действий. Исчезновение внешнего объединяющего начала возвращает всё в форму непонятой, а потому разрушительной чиновничьей государственности.

Где есть хоть один русский, там есть и Россия. Это подтверждает и существо внешней российской эмиграции, и существо нашей внутренней эмиграции от российского произвола. Осознавая себя русскими, мы в себе обретаем свою Россию. Теряя её – теряем и себя, уходя в другой мир – в мир, где уже нет России.

Раздвоенность русского сознания разрушительна. Направляя свои усилия на устранение чиновничьего произвола, мы оказываемся в плену саморазрушения. При этом не происходит адекватное освоение органической структуры государства. Опыт “конца истории” впрямую не переносится на повседневность.

Мы настолько сотканы из противоречий, что рождается впечатление безысходности ситуации, но это не так. Наша политическая культура имеет и обратную сторону. Россия имеет исторический опыт выдвижения (скорее самовывдвижения) тех лидеров, чье самоосознание своей роли, чья гражданская позиция и гражданские поступки точно соответствовали внутренней сути нашей культуры. Скажем, отечественные войны выдвигали именно тех лидеров, которые смогли взять на себя всю полноту ответственности вопреки самой системе бюрократической власти в России.

Закон

Российский писанный закон остается декларативной нормой – либо обёрткой иной культурной традиции, либо формой властного произвола. Он понимается в русском сознании как нечто, принадлежащее к нереальной, к несуществующей жизни – жизни бумажной, противостоящей жизни настоящей.

Такая традиция делает очень зыбким понятие гражданского общества, в котором основополагающим началом является Закон, – закон, принимаемый на принципах общественного договора. Если же я не гражданин, принимающий общественный договор, а государев человек, который сам вершит закон, это многое меняет. Тогда я могу судить не только по закону, но и по “справедливости”, то есть в любой момент отменять закон, если “справедливость” по моему мнению нарушена.

Закон в русском самосознании не обладает самостоятельной ценностью. Он как социальная норма разделится на варианты выбора “справедливости”: справедливость закона, если ты уже переступил его черту, “законная” чиновничья справедливость и справедливость народная, когда что-то становится достоянием общественности.

Выбор между ними стихийен, так как неосознанное чувство справедливости, как социальной нормы, накладывается на постоянное декларирование необходимости государственной законности. Это не позволяет их разделить и привести к требованиям русской культуры, как путем возможного их переплетения, так и возможного жёсткого размежевания.

Сегодняшнюю преступность не победишь, увеличивая законную “преступность” “право”охраняющих органов, а тем более не победишь призывами к закону. Пока преступность противостоит лишь власти, как власти несправедливой, – грань преступления размывается и происходит постоянное самооправдание преступившего закон.

Страх преступности сегодня – это страх непонимания той нижней грани повседневных норм, преступать которые невозможно, потому что это означает оказаться вне общества, вне морали, вне собственного самоотождествления с культурой. Но нижний предел как в зеркале отражает предельность высших ценностей.

“Не убий” (и как по контрасту – кровная месть в иной культуре) теряет свой смысл, если не заданы грань преступления и наказание за

преступление её. Ведь “не убий” не запрещает убийство по отношению к тому, кто преступил эту грань, либо находится вне действия моральных норм данной культуры вообще (враг, животное и т.д.).

Не жестокость наказания, а изменение ценностной основы даёт выход. Чтобы в обществе изъятие чужого добра стало пониматься как преступление – а с этим появилась и заповедь “не укради” – собственность должна была сначала стать социальной ценностью. Воруя в одном месте, этот же вор в другом месте уже стремится наворованное сохранить как ценность собственную, социально охраняемую. При беспределе же воровство становится растратным.

Обуздание преступности возможно и включением народной справедливости, когда нижняя грань станет задана явно и понята ясно. Грань эта определяется гранью принадлежности к русской культуре, которая и может сформировать понимание нижней грани допустимого. Если этот вопрос раньше был понятен, то сейчас он требует новой переоценки. Но это оценка не может содержаться в каких-то абсолютных показателях – она должна дать понимание допустимости социального поведения, допустимости источников материального благополучия, допустимости других социально значимых действий, а самое главное – принятие их как норм справедливых, как норм культуры.

“Демократические выборы”

В традиционном чиновничьем государстве выборы как процедура совершенно не требуются. Его низовой уровень “выборов” – это первый шаг личного самоограничения и занятие самого низшего чина с присвоением самого низшего ранга. Восхождение по карьерной лестнице всё расставляет на свои места и выстраивает всю структуру государства.

“Демократия” превращает это в абсурд и сама становится абсурдом. Процедура демократических выборов требует предъявления определённых характеристик – наличия избирателей, а не “народа”, публичности политиков, а не “отчётов” о проделанной работе, наличия у них программ, а не “перспективных планов развития”. Выборность власти формирует, как обязательное условие её поддержания, стремление политиков к перевыборам, что обязывает их к выполнению предвыборных обещаний. Иначе у них появляется желание давать своим избирателям уйму несбыточных обещаний – лишь бы проскочить выборы, а дальше хоть трава не расти.

Демократические выборы у нас создали сложности для бюрократии с формированием “мнения” об их необходимости и том, кого можно и нужно выбирать. Она пытается трансформировать выборы в механизм собственного волеизъявления, стремясь получить при этом “демократическую” легитимность. На это накладывается и то, что в нашей политической культуре не заложено понимания свободы выбора и вследствие этого происходит неприятие ни свободы, ни выбора. Власть от

Бога, а не от народа. Власть принимают, а не выбирают. Дайте нам нашу власть, а не заставляйте нас выбирать из вашего же круга.

Сегодня мы выбираем не из ста пятидесяти миллионов россиян, а лишь из тех, кого предложила та же бюрократия. Вопрос – почему из этих нескольких тысяч претендентов можно выбрать тех, кто способен представлять интересы миллионов, даже не поставлен. Демократия по-русски превращается в выборы без выбора. Нашей проблемой является не то, как выбирать из предложенных кандидатов, а то, кого вообще можно выбирать во власть.

Проблема даже не столько в способе формирования властных институтов, сколько в мере ответственности тех, кто придёт к власти. Замыкаясь на самосуществование, власть, сформированная пусть даже самым демократичным образом, становится самодостаточной и отстранённой от всех наших бед, что вызывает либо раздражение у всех остальных сограждан, либо ... стремление самим прорваться к властному распределителю, – чтобы всё иметь и ни за что не отвечать.

Отсюда уповать на несовершенство законодательства – вещь безнадёжная, более важными становятся сами принципы выдвижения государственных мужей и принципы достижения социального согласия. Формальные критерии государственного устройства не срабатывают.

Трансформации власти

Излом современной власти, понимаемый как безвластие, всё же безвластием не является. Исчезло бывшее отождествление власти с государством, как и исчезло отождествление государства с властью, а новое “единство” так и не родилось. Но Власть как социальный институт продолжает “исправно” функционировать, хотя и изменилась его форма.

Любая трансформация российского государства содержит в себе воспроизводство Власти. Попытки придать ей иной характер наталкиваются на органическую сшитость её с государством, их нерасторжимость. Вопрос о русском государстве – это не вопрос о демократии или диктатуре, это вопрос о сути власти. Поэтому любое реформирование будет сталкиваться с необходимостью смены не формы государства, но формы социальности.

Попытки регламентации политического устройства через нагромождение многочисленных партий, партиек, предвыборных блоков и блочков отнюдь не решают проблему. Рассыпаются кирпичи партийного строительства.

Партийное политическое устройство не соответствует требованиям современного общества. То, что создавалось долгим опытом демократического парламентского устройства общества, России позаимствовать очень даже непросто. Демократия хороша тогда, когда она создается вовремя. Если традиционные парламентские партии способны к трансформации, то у нас даже нет смысла их создавать.

Требования цивилизованности для достижения демократии скорее относятся к закамуфлированной идеологической демагогии, скрывающей отсутствие политической воли к переменам. Такое требование неявно закладывает мысль о нецивилизованности России – из чего следует тезис о невозможности перемен.

Сегодня, когда мы пронизаны знанием друг о друге, когда возможность перенимать чужой опыт – вещь очень доступная, когда мы просто взаимосвязаны участием в общих делах, – разводить исторические часы (читать, определять уровень цивилизованности) чуть ли не по разным столетиям просто нелепо. Мы разные не по уровню развитости – мы разные постольку, поскольку различны наши культуры.

В поиске своих ответов мы движемся сквозь социальные кризисы и жизненные катастрофы, сквозь примитивизацию нашей общественной жизни и уродливость заимствования чужих моделей. Что это – издержки процесса или та неизбежность, которую надо пережить?

Поиск всегда питается случайностью, только в стихии находятся новые, ранее неизвестные сочетания. Пространство поиска требует огромного количества материала. Нам не нравилось, как мы жили раньше, но строительство нового не совпадает только с разрушением старого. Наш некогда единый монолит оказался взорван, а не разобран как здание на кирпичи, могущие стать новым строительным материалом, – он как глыба развалился на бесформенные обломки.

Процесс перестроения постоянен и повседневен, поэтому требуется освоение пространства кризисов и катастроф, которые бы не разрушали нас, а позволяли строить новые и новые социальные формы.

Пространство идей позволяет проходить внутри себя через свои внутренние катастрофы и кризисы и находить в этом пространстве ответы, не взрывая реальную жизнь – устремляясь после в новое творение мира и движение по новым мировым траекториям.

Перед концом истории

Социальность, не оторгнутая от идеи, предполагает сильно развитое личностное начало, сквозь которое проходит социальная ответственность. Возникает проблема. Если демократия – это процедура, которая из социальной стихии формирует баланс индивидуальных и групповых интересов, то социальность, внутренне ответственная, не может формироваться также. Она требует для своей реализации постоянного соотношения не с процедурой, но с идеей.

Критерием выбора становится соотносимость с идеей, которая подчиняет себе и процедуру выбора. Теряет смысл атомарность демократического выбора, приобретает смысл коллективность признания за претендентом приобщения его к общей идее и его способности воплотить идею в повседневность. Как бы восстанавливается смысл религиозности выбора.

Воцарение на власть не столь просто в современных условиях. Современное общество далеко не однородно. Различие культурных, религиозных, интеллектуальных и многих, многих других основ размывает само понятие идеи, что не позволяет отобрать единый критерий выбора. В тоже время найти претендента, являющегося представителем всех идей одновременно, принципиально невозможно.

Идея справедливости.

Идея соборности.

Идея царства божьего.

Идея коммунизма.

Идея демократии.

Идея общего дела.

Идея сильной государственности.

Ряд можно продолжить, но сам по себе перечень ответа не даёт. Внутренняя суть любой социальной идеи – это устремленность к недостижимому, это устремление к той точке, где всё кончается и где всё начинается, это устремление к концу истории.

Обладание знанием конца истории требует не конкретного знания, а внутренней уверенности в возможности овладения этим знанием. Нам не нужна конкретика коммунизма или конкретика соборности – нам необходимо верить, что коммунизм или соборность достижимы. Их постижение происходит внутри нас, и тогда любая конкретика становится их подтверждением. В том и мощь религии, что не давая ни единого конкретного ответа, она отвечает на все вопросы бытия.

Происходит как бы бесконечный поиск социальной идеи и бесконечный поиск её воплощения, а выразители этого поиска и становятся носителями социальной идеи.

Нет большего или меньшего овладения идеей конца истории – происходит процесс постоянного её обнаружения. Нет законченности, нет остановки, нет конкретного предметного наполнения, нет приближения или удаления, но есть владение процессом постоянного обнаружения. Умом не понять, но в это только можно верить. Правда, вера в этом контексте приобретает иной смысл. Она требует как раз ума.

Как наполнить социальность таким пониманием конца истории? Структура властных мест её не наполняет – наполняет только социальная ответственность людей, места эти занимающих.

Социальная ответственность – это бесконечное подтверждение способности отвечать перед концом истории.

Это – **высшая ответственность**. Но эта высшая ответственность не подменяет ответственности **за** чистоту улиц или за богатство прилавков в магазинах по доступным ценам, так же как и ответственности за мирное сосуществование народов с различными религиозными устоями. Меняется форма ответственности, но как входит ответственность перед концом истории в повседневную жизнь?

Наш исторический опыт даёт на это ответ. Подчиненность идее, искреннее следование ей само находит своё приземление. Устремляясь к

Богу, мы строим храмы, но для этого необходимо месить глину и обжигать кирпичи.

Социальная ответственность постигается чистотой улиц, ежедневно убираемых, – без чего, как может оказаться, нельзя не только честно смотреть в глаза людям, нельзя и устремиться к концу истории. Чистота улиц становится критерием служения идее. Вхождение социальной идеи в конкретику повседневного действия и порождает всю иерархию ответственности.

Выбор конкретных форм ответственности, её иерархии, иерархии властных мест; выбор лиц и личностей, которые ответственно могут заполнить эти властные места – всё это вместе формирует пространство социального выбора (выбора принадлежности к той или иной идее того или иного социального обустройства).

Но этот выбор не является единственным на всю “оставшуюся” историю. Он не может и не должен прекращаться, предъявляя требование постижения идеи, постоянное требование устремленности к концу истории.

Выбор России, которая будет.

Существующие сегодня социальные силы, партии и движения предъявляют только отдельных личностей с их бесконечной политической риторикой и с безудержным стремлением к власти, причём подчас любой ценой. Выбор между ними ограничен, он приведёт нас к всё той же форме власти, что и была, и, выбирая их, мы опять зайдём в очередной тупик. Перед нами стоит задача другого выбора – выбора нашего будущего, выбора нашей общей судьбы. **Выбор России, которая будет, – это выбор России, как идеи.**

Выбирать Россию как идею – это выбирать Россию как культуру, выбирать её ценности и отдавать приоритет её культуре, выбирать устремленность к идее как сердцевину русской мысли и русского характера. Через эту устремленность – постановка всех и всяческих вопросов, проблем, задач российской жизни.

Меняется понимание власти. Не власть как самодостаточная ценность, а **власть ответственная**, т.е. способная отвечать перед концом истории и перед нами.

Возникает вопрос – а кто тот лидер, который способен стать во главе этой власти? Формирование лидера должно происходить сквозь призму отражения идеи России, т.е. внутренний выбор ценностей её культуры, устремлённость к ним и предъявление всему обществу в целом.

Процесс предъявления лидера – процесс сокровенный, создающий его харизму, но становящийся явным, когда происходит слияние идеи и лидера. Можно сформулировать некий перечень характеристик, но это более подходит для требований политической культуры демократического государства. Ключевым будут являться отношения лидера с Властью. Выбор между Властью и Идеей. Этот процесс довольно явный, так как требуемый масштаб личности не может быть задан формальными

критериями, но достаточно ясно обнаруживается при предъявлении этого масштаба обществу.

Принципы выбора государственных мужей могут быть тоже поняты через идею ответственности – через ответственность перед властью и обществом. Выборы приобретают иной смысл. Формируется не список кандидатов, из которых почему-то кого-то одного надо выбрать, а задаётся планка власти, в соответствии с которой происходит отбор претендентов. Требования к уровню планки определяются проблемами и задачами сообщества, выбирающего себе правителя.

Претендент на власть имеет её не потому, что занял соответствующее кресло, – власть ему дана только потому, что он сам соответствует масштабу и уровню должности. Регламентации подвергаются не должности, а требования к личностным качествам тех, кто стремится эти должности занять.

Контроль над властью тоже теряет формальный принцип. Идёт как бы проверка поддержания планки, а средства массовой информации всегда могут создать механизм такого контроля.

Закон – не единственный инструмент регулирования социальной жизни, возможны и другие механизмы достижения социального согласия. Закон может превратиться из инструмента прямого действия и подчинения в некое концептуальное “как должно быть”. Появляются иные способы его исполнения. Неисполнение означает, что реальная жизнь общества не соответствует тому, “как должно”, а следовательно, вновь необходимо решать вопрос “по справедливости”, то есть корректировать понимание общественного согласия и взаимодействия.

Освоение идеи

В начале было Слово. Это столь характерно для нашей культуры, что начало пути задано ею самой. Поиск идеи, устремленность к ней – это и формирует самоопределение тех социальных сил, которые способны решать задачи создания новой власти.

Потом было слово. Постоянно и ясно звучащее. Слово, устремленное к поиску идеи. Пространство идей способно наполнить культурными смыслами трансформацию власти, рождая устремлённость мысли и, главное, делая её всеобщей. Слово начинает звучать громче. Но нужное слово ещё должно с необходимостью родиться. Найти себя и пойти в “народ”.

Форма становления власти может быть разной, но суть одна – становление идеи, выбор её. Власть, как противостоящая идее власти, оказывается вновь в своей стихии – борьбы за власть, но эта борьба требует уже предъявления идей – борьба идёт уже за Идею.

Уход от власти и приход новых персоналий не решает проблемы – важен приход новых идей.

Представленность наших бесконечных проблем как идей, обнаружение которых требует постоянных усилий, и есть ответ о сути

нашего российского социального устройства. Любой конкретный ответ не достаточен. Поиск идеи российского социального устройства будет приносить конкретные результаты. Но в это можно только верить – верить умом и сердцем – умом постигая идеи, а сердцем их осуществляя.

Хозяйство

Любой хозяйственный уклад начинается с простого, обыденного труда. Русская идея не включает в себя труд как одну из своих ценностей. В ней нет труда как основы для достижения чего-либо. Наш взгляд на мир материальных ценностей можно охарактеризовать как бесконечное ожидание чуда покорения природы и освобождения от забот мирских, а труд повседневный входит в обыденное понимание как труд подневольный. Для русского человека, труд, не одухотворённый идеей, пусть и самой незначительной, был и остаётся наказанием божьим.

Русская трудовая этика не знает целеустремленности. Цель всегда предметна, достигнув её, её можно потрогать руками. Но такое понимание как бы не нужно русскому сознанию. Его устремления выше предметного мира. Поэтому основной мотив труда в русской культуре – его фатальность – делать, как делается, а что получится, то получится.

Беспредельность русской природы, накладываясь на социальные формы труда, превращает его в труд “разрушительный” – не знающий и не желающий порядка как ограничителя широты и размаха русского характера. Труд в этом понимании становится “стихийным”, как и все его социальные формы.

Бедой России всегда являлись “дороги и дураки”. Не только природа виновата в качестве наших дорог. Западное рациональное мышление вкладывает в понятие “дорога” целый комплекс пониманий, действий, правил и норм. Самое поверхностное западное понимание дороги – это нечто ровное, на котором есть разметка и действуют некие правила поведения. Для русского сознания “противны” подобные ограничения. Дорога превращается сначала в понимание, а потом и в её строительстве и поддержании во что-то такое, по чему ездить можно. Стихия победила разум. Дорога превратилась в “нечто очень “естественное”” с колдобинами и выбоинами, а ездить по ней надо не вдоль, а поперёк. Естественность русского сознания не замечает ухабистости русских дорог и необходимости следовать правилам дорожного поведения.

Всё, что выступает против “естества”, отторгается русским сознанием. Такой подход меняет само содержание профессионализма. Если профессионал – это человек обученный, человек, который точно знает границы и рамки своего ремесла, то для нас понятие профессионализма заменяет народная сметка. С одной стороны, это рождает народных умельцев, которые любую задачу видят насквозь, с другой стороны, в массе своей мы откровенные неумехи, сохраняющие девственность своего “естества”.

Также рождается и произвольность социальных форм труда. Нет трудовых обменных отношений, что характерно для Запада, есть стихия “общинного” труда, не знающего границ и рамок индивидуальных усилий, но поднимающего всех на общую задачу. Достижение социально значимых целей в таких условиях обеспечивается лишь жесткостью власти. Но когда все поднимаются на “ратный” труд, происходит перерождение “общинного” труда, он становится трудом всеобщим и способен достигать таких результатов, которые неизвестны остальному миру.

Основной российский мотив общественного труда – внеэкономический мотив (как все, так и я), накладываясь на “естественные” регуляторы интенсивности труда, устраняет всякое понимание его эффективности, отдавая приоритет его социальности.

Одинокое освоение новых форм хозяйствования, идущих не от государства, а снизу, наталкивается на сопротивление и отторжение социальной среды. Индивидуальная воля, не приобретая коллективности признания, оказывается не в состоянии выстроить свой отдельный “хутор”, живущий иначе, чем весь “мир”. Образцы этих отдельных “хуторов” не становятся даже образцами возможного хозяйственного уклада, как бы привлекательны они ни были.

Индивидуальность усилий, необходимая для их принятия и освоения, сталкивается с коллективностью русского сознания, сталкивается с общинностью российской хозяйственной жизни, сталкивается с неприятием в ней индивидуального порыва, противостоящего общине. Общим миром живём – на миру, всем вместе и помирать. Индивидуальность понимается как произвол, разрушающий общину.

Всё, что для общины – на виду. Всё, что для себя – скрыто и потаённо. Тяга к индивидуальному богатству становится тягой потаённой – сокрытой от чужих глаз. Это не даёт развернуться индивидуальным усилиям, не даёт так необходимого им коллективного признания. Поэтому столь плохо приживаются ростки иных хозяйственных устройств общества, особенно индивидуальных, на российскую землю. Но тяга к богатству общинному, тяга к богатству коллективному в России неистребима. Однако эта тяга пока не нашла те формы хозяйствования, которые могли бы её удовлетворить.

Хозяйство власти

Российское хозяйствование не имеет внутренних механизмов отделения от государства и власти, так как не является самоценностью русской культуры. Для него больше свойственна характеристика “естества”, как растворенность в потоке жизни без выделенных механизмов и регуляторов.

Власть всё время пытается определить норму “естества”, создавая единое хозяйственное целое, которое регулируется специфическим властным образом. Суть этого регулирования состоит в обнаружении

всеобщего общественного “блага” в новых исторических условиях и выдвижение его “целью” государственной политики.

Всякое самостоятельное толкование путей его достижения властью пресекается, ибо это ведёт к утрате единения власти и общества (что является трансформированной формой борьбы за власть). Добиваться “единства” толкований призван фискальный аппарат. Достижение обществом каких-то хозяйственных целей происходит не благодаря власти, а вопреки ей, как следствие необузданности властью стихии повседневной хозяйственной жизни.

Макрорегулирование осуществляется в канве постоянной борьбы за власть как рождение и выдвижение всё новых и новых форм общественного “блага” – большого или малого. Принимало ли это форму указов, постановлений, отчетов о выполнении пятилетних планов – это не имело значения.

“Дореформенная” российская экономика представляла некое производственное целое – одну большую фабрику, под названием народное хозяйство. Целостность достигалась тем, что ни одно предприятие не выпускало законченную продукцию, имеющую самостоятельную ценность, они являлись лишь производственными узлами-ячейками этой большой фабрики. У этих узлов-ячеек был свой специфический способ управления производством и регулирования выпуска продукции. Директора этих предприятий представляли из себя экономических чиновников соответствующих рангов и чинов. Предоставление им самостоятельности не могло и не привело к реальной самостоятельности, так как самостоятельность базируется на принципиально иных принципах, чем соответствие месту в табели о рангах.

Отсутствие внутренне присущих нашей культуре форм хозяйствования, приводит к постоянному их заимствованию. Но это заимствование совсем не похоже на свой оригинал; он довольно сильно размывается в потоке русской жизни – от него остаются лишь термины, а всё остальное приобретает специфический русский характер. Все российские “реформы” были реформами терминологическими, так и не становясь ими по существу.

“Реформа”

Бесчисленные модели реформирования российского общественного хозяйства терпят бесконечный крах именно из-за того, что сохраняется сердцевина отношения к труду, как к труду подневольному, насильственному и рабскому. Попытка объявить рынок сверху превращает нашу “экономику” в ещё один театр абсурда. Многие ключевые понятия оказываются вывернутыми наизнанку, ибо это понимается как снятие государством своего жёсткого ограничивающего влияния, а не как появление новых требований к ведению хозяйства.

Деньги не имели и не приобретают рыночного значения обменного эквивалента труда – лозунг “обогащайтесь” русское сознание понимает как право всех на произвол без ограничений, что подталкивает лишь к воровству (к воровству у государства и к воровству у соседа). Стихия рынка чаще всего воспринимается нами как отсутствие всех и всяческих ограничений, но не как специфическая форма трудовых и социальных отношений.

“Грабь награбленное”, бесконечный передел собственности, безгранично жестокие налоги (при неограниченных расходах власти), всё ускоряющаяся работа печатного станка – есть всё, но нет созидания и реального труда, нет даже призывов к ним. Призывов потому и нет, что звать некуда, кроме как обратно в рабство к государству. Появившиеся ростки “новых” хозяйственных укладов до боли знакомы, до боли повторяют уклады существовавшие, но завёрнутые в новую упаковку.

Рынок базируется на принципах договора и открытости, а наш “рынок” – на принципах экономической гражданской войны, потому что не произошёл процесс создания самостоятельных фирм, а произошло разваливание единого целого хозяйства на отдельные удельные княжества, сохраняющие всё те же принципы хозяйственного обустройства.

Предоставление самостоятельности лишь разрушило большую фабрику, но не могло в принципе создать самостоятельных производителей. Наш “рынок” сегодня больше напоминает стихийный загул прислуги в отсутствие барина, а не освоение опыта мировой хозяйственной практики.

Свобода цен у нас – не договор между покупателем и продавцом, а заламывание рук тому, кто слабее. На продажу выносятся не результаты личного или коллективного труда: интеллектуального, организаторского или физического, а разрабатываются те или иные удачные операции, которые больше напоминают махинации.

Наши доходы не определяются нашим собственным трудом, где что урвал, на то и живу. Зарплата же сохраняет функцию пособия по обязательной “безработице”.

Рост инфляции больше базируется на отказе от каких-либо разумных ценовых и денежных ограничителей, а не на контролируемом превышении государственных расходов над доходами.

Появившийся рынок ценных бумаг родил новое явление – публичные компании, которые присвоили себе право, бывшее ранее монополией только государства, обирать наравне с ним население путем выпуска своих “денег” в неограниченном количестве. Они даже не предполагают, что за этими “деньгами” должны стоять материальные ценности, открытость и доступность информации о собственной деятельности, определенные права их вкладчиков, в том числе их доленое участие в управлении этих компаний.

Западная конкуренция ведет к увеличению предлагаемых товаров и услуг, и не ориентирована на уничтожение конкурента, как это понято у

нас. Реклама не имела и не имеет у нас смысла информации о товаре, сегодня она либо предмет самолюбования рекламодателей, либо инструмент войны с безропотным потребителем, то есть она за него даже не воюет, а просто стремится его подчинить.

Не потребитель главенствует на нашем “рынке” – он ему не нужен. Идёт война за обладание ресурсами огромного государства – идёт бесконечный делёж и переделёж.

Важнейший принцип рынка – произвожу то, что кому-нибудь нужно. У нас иной принцип – произвожу до тех пор, пока можно вытрясти ресурсы у государства (а точнее у общества). Требование же инвестиций больше напоминает занудство Паниковского “дай миллиончик”, желательно безвозвратно и бесконтрольно.

Такой подход продолжает втягивать огромную массу населения в социальное иждивенчество, а движение в сторону ориентации на собственные силы происходит очень и очень трудно.

Работа в рыночных условиях основана не на приказе и экономической иерархии, а на договорных отношениях и самостоятельности принимаемых решений с соответствующей платой за риск. Это накладывает и множество новых требований как к структуре самого предприятия, так и к принципам управления им.

“Новые русские”

Рынок сам по себе ничего не вытягивает. “Новые русские”, “рыночники” – эти люди не вселяют надежду, а рождают ощущение нового тупика. Разглядеть их отличие от “старых русских” и “государственников” чрезвычайно сложно, так как ими реализуются те же принципы экономического поведения.

“Новые русские” не вселяют надежду именно потому, что не несут с собой новых социальных и хозяйственных отношений. Они есть производная и движущая сила нашей “рыночной экономики” со всеми её “нормативными” характеристиками.

Стихия рынка не может воспитать понятия чести и достоинства – стихия рынка лишь отбирает тех, кто наиболее способен справиться с ней. Новые русские – это в основном маргиналы, как по отношению к власти, так и по отношению к обществу в целом, только маргиналы богатые. Их собственное, самосознание не поднимается выше нахождения всё новых и новых источников добывания денег, причем не важно каким путем.

Они формируют собственные состояния, но не капитал, как источник все возрастающей стоимости личного и общественного богатства, и, как следствие, основу для появления новых рабочих мест и новых видов деятельности. Их основной социальный лозунг – не трогайте нас, а не устремление к самоутверждению в обществе. Они всегда готовы уйти – уйти из бизнеса, уйти во власть, уехать за границу. В них нет ощущения собственной социальной значимости, да она им и не нужна. Им

не за что бороться, кроме как за собственный карман. В этом смысле они – всё тот же “народ”.

Вектор развития нашей культуры не проходит через них, он лежит в совсем другой плоскости. Поэтому ожидать их перерождения невозможно, да и не нужно. Должны прийти другие люди, которые будут искать адекватные русской культуре формы хозяйствования – искать, находить и воплощать.

Интеллектуальное производство

Но и рыночный критерий – это критерий уже вчерашнего дня. Хоть какой-то успех возможен, лишь когда мы будем строить не день вчерашний, а день завтрашний. День завтрашний выдвигает главным критерием не производство, не сбыт продукции, не собственность и даже не технологии. Главным становится способность общества выявлять свои текущие материальные запросы и адекватно их удовлетворять.

Суть самой задачи состоит не в переустройстве производства или собственности, а в совершенно иной постановке проблем. Формирующееся хозяйство должно, в первую очередь, удовлетворять не конкретным заимствованным механизмам регулирования экономики (тем более, что понятие экономики уже включает понятие рынка), а создавать среду для возможного существования множества “экономик”.

Это достижимо при развитии специфического интеллектуального производства, производящего сами эти “экономики”, – их изучение, выявление принципов существования, источников ресурсов, механизмов управления, взаимодействия с государством и властью. Результатом такого производства становится само формирование этих “экономик”: предъявление обществу, обучение конкретным их формам, интеграция в существующие хозяйственные и социальные связи.

Интеллектуальное производство невозможно без новых взаимоотношений с властью, невозможно без готовности власти на самосоздание такого производства, т.е. невозможно без принятия властью его внутренней логики развития. Идея власти может в этом соединиться с идеей хозяйствования.

Мыслимое хозяйство

Лишь тупик сознания не позволяет нам точно расставлять акценты. Наша культура давно подготовила почву для решения масштабных задач. Наша культура знает не только разрушительность социальной стихии, но и гениальность коллективных решений. Мы способны расширить рамки своих возможностей, но, в первую очередь, нам необходимы усилия самоосознания. Не призыв к разрушению, а призыв к созданию и освоению новых сфер деятельности. Это вопрос уже не макроэкономики, а макромышления, из которого вырастают конкретные шаги в конкретных условиях.

Россия знает богатство территорий и богатство природных ресурсов. Сегодня ей необходимо **постичь богатство идей**. Это тот бесконечно восполнимый, бесконечно преумножаемый ресурс, который только и может восстановить нашу не существовавшую “сверхдержавность”.

Перед нами не стоит задача поиска желаемого хозяйственного уклада. Перед нами стоит задача поиска и обретения **должного**: должного понимания, должной воли и должного действия, – как поиска, обретения и исполнения своего долга.

Перед нами стоит проблема переосмысления всей российской хозяйственной деятельности, природной и окультуренной инфраструктуры, форм хозяйствования, которые существуют в России, а главное которые в ней возможны и мыслимы. На всё пространство ныне существующей хозяйственной деятельности необходимо должным образом наложить пространство идей. Необходимо превратить всю природо-хозяйственную деятельность в “идею” и заново обрести “идеальный” хозяйственный уклад, соответствующий нашей культуре.

Пространство идей, входя в конкретику повседневности, наполняет труд повседневный иным содержанием. Труд как бы становится религиозным деянием, столь же необходимым, сколь и повседневным. Принимая социальные формы, такой труд и создаёт конкретные формы хозяйственных укладов.

Задачи масштабные, но и проблемы наши – масштабны. Без постановки этих задач не найти приемлемых решений, так как полностью исчерпан потенциал традиционного развития и полностью исчерпаны традиционные способы решения подобных задач.

Какие социальные силы способны осуществить эти задачи? Столкновение экономических интересов различных социальных групп, разнонаправленность их целей, как и не выявленность целей самого общества, делает проблему острой. Стихийное согласование интересов, возможное в рыночном хозяйстве, у нас становится невозможным.

Тогда ключевым становится выдвижение и внедрение в общественное сознание “идеальных” целей – идеи “цели” общества в целом. В самом общем виде “идеальная” социальная цель – это благо всех, это возможность достижения благополучия всего общества в целом. Выдвижение и освоение такой идеи позволит ставить все остальные задачи.

Те социальные силы, которые наиболее полно будут следовать этой идее, и есть те, кто способен поставить и решить задачи преобразования России. Внутренний стержень русского характера больше соответствует задачам глобального переустройства, чем “задачам” переустройства прилавка в своей посудной лавке. Но для этих задач, как первый шаг, необходимо, чтобы произошло внутреннее самоосознание этих социальных сил и началось их самодвижение к недостижимому. Предъявляя себя обществу, они становятся точками кристаллизации, точками выявления себя и себе подобных – началом движения к общей идее.

Россия богата людьми, но и русские люди богаты Россией. Значит есть возможность **сделать богатство общим достоянием**.

Соединяя несоединимое – сквозь Идею к идее власти, идее хозяйствования, идее культуры, идее морали, мы можем пройти к реальному наполнению наших проблем реальным смыслом. Что и позволит нам дать на них как ответы очень конкретные, так и ответы, суть которых нами сегодня понята быть не может.

Устремляясь в бесконечность идеи – мы попадаем в конкретику повседневности, что и даёт нам возможность **понять Россию УМОМ**.

Мы родом из России. Но это не даёт русской мысли успокоения, и потому умом понять её нам не достаточно. Русское самосознание требует большего – оно стремится к возведению нового храма веры, и оно способно его возвести.

Русская власть, русское хозяйство могут обрести себя в культуре, но для этого необходимы силы тех, кто нашел их в себе и **готов строить Россию, которая будет**, окунаясь в бесконечный поток всё новых и новых идей.

Однако Россия не самозамкнута, в ней спрессованы не только её проблемы. Мы не были бы русскими, если бы не стремились выйти за её пределы. Обретая себя, она может и должна вступить в диалог со всем миром – в диалог с другими культурами, в диалог, направленный на поиск мироустройства в целом, в диалог, ориентированный на создание мирового хозяйства.

Русское слово, находя себя не только в себе, но и в мире, может и должно нести миру новые идеи. Русское слово способно к тому разговору, понимание которого не требует перевода.

Развитие же самой русской идеи состоит в смене устремленности – с перечня конкретных действий, планов, молитв и обрядов к принципиальной возможности обнаружения в каждой точке повседневности, в каждом её запросе многообразия подходов, множества ответов, точности решений.

Причем ключом является сама возможность таких решений – в таком понимании и заключена вся сила веры.

России дано бесконечное постижение идеи при всей невозможности её обнаружения.

... Но в это можно только верить.

Афоризмы для умных людей

Решения правительства – в его жизнь!

Проще выдавить из других хозяина, чем из себя раба.

Упоение собой сопровождается закусыванием прочими.

Всю жизнь мы ждём человека, который понял бы нас вместо себя.

Собак любят за то, что они не бывают хозяевами.

Как дико хочется быть цивилизованными!

Настоящего будущего не бывает.

Геннадий Малкин

*Тер-Арутюнян Рафаэль Абрамович,
историк, искусствовед, архивист, юрист*

КРАТКОЕ КОНЦЕПТУАЛЬНОЕ ОБОСНОВАНИЕ ПРАВ ГРАЖДАН НА РОССИЙСКУЮ СОБСТВЕННОСТЬ

Под видом реформ в стране происходит разграбление собственности, которая в предшествующий период была провозглашена, согласно Конституции СССР, общенародной, и в то же время отождествлялась с собственностью государственной. В соответствии с Конституцией СССР государство – общенародное, собственность и государственная собственность – это собственность всех граждан страны.

После развала СССР Российская Федерация, став правопреемником СССР, приняла на себя как международные, так и внутригосударственные обязательства, а так же всю государственную собственность бывшего СССР в том объёме и в той форме собственности, в которой она осталась на территории России, то есть в форме общенародной собственности.

Принятая позже Конституция Российской Федерации определила, что в РФ имеют право быть все виды собственности, но ни слова нет об изъятии или отчуждении общенародной собственности.

Таким образом, российская собственность, собственность страны есть совокупная собственность всех граждан России.

После развала СССР в России провозглашено строительство правового государства с отношениями свободного рынка.

Однако основой рыночного общества и государства является священное право собственника и, следовательно, священное право собственника и его неприкосновенность не иначе чем по закону, то есть по решению суда.

Таким образом, и на сегодняшний день вся Российская собственность (земля, недра, полезные ископаемые и т.д.) принадлежит гражданам России, а государство в лице своих институтов и органов власти всех уровней наделены лишь функцией управления этой собственностью и, ни в коей мере, не являются носителями собственности, находящейся в их управлении, ибо собственником может быть только физическое лицо.

Пусть не вводят в заблуждение определения типа “собственность фирмы”, “концерн” – за собственностью любого юридического лица стоят конкретные физические лица владельцы фирмы или акционеры, которые и являются истинными собственниками того, что называется собственностью фирмы или концерна.

Переход собственности, а соответственно и прав на неё от одного собственника к другому происходит на основании юридически оформленного акта, подтверждающего добровольную передачу собственности, как-то:

- 1) Акт купли–продажи собственности;
- 2) Акт дарения собственности;
- 3) Акт завещания собственности.

Таковых актов добровольного отчуждения гражданами России своей доли в общенародной собственности не имеется. Лишить же гражданина–собственника его доли собственности без его согласия в правовом государстве с рыночными отношениями к собственности можно только на основании решения суда. Такового также не имеется.

В то же время в правовом рыночном государстве обезличенной, То есть бесхозной собственности в принципе не может быть.

В нашем же случае общенародная собственность, носителем которой является каждый гражданин и все граждане страны в совокупности, – обезличивается, отчуждается от собственника и передаётся или продаётся частным лицам народными избранниками и государственными служащими, призванными охранять и приумножать вверенную им общенародную собственность,

То есть аппаратом чиновников разного уровня, наделённых лишь правом управлять, но не передавать и тем более продавать не принадлежащую им собственность.

В то же время деньги, вырученные от такой продажи собственности, поступают в распоряжение того же чиновничьего аппарата и зачастую просто разворовываются. Отсюда во многом и растут ноги коррупции и криминала, с которыми государственные власти (а это тот же аппарат чиновников) призывают бороться.

Однако, сама же государственная власть и проводит противоправные псевдореформы, противоправно изымает у абсолютного большинства граждан страны их долю общенародной собственности, без компенсации, в посприятие Конституции РФ, став вором в законе.

Вор кричит: держите вора! Такова приватизация по Чубайсу, обезличенная, противоправная, без согласия основного собственника – самого народа, т.е. воровская. На очереди передел, а, по сути, захват оставшейся части: общенародной собственности.

И в этих условиях необходимо осознание гражданами страны той простой истины, что мы все вместе и каждый в отдельности являлись и являемся номинальными собственниками общенародной собственности, что произведённая передача нашей собственности без нашего согласия противоправна, а потому невозможна.

Передача прав собственности требует не только нашего согласия, но и компенсации, соразмерной доле отчуждаемой собственности. И своё право собственника мы можем и должны отстаивать всеми доступными в правовом государстве способами и методами.

Если в стране строится рынок, то мы все – участники рынка, владеющие своей долей в общей собственности, а не бесправные статисты.

Реальный способ достижения цели – это обоснование своих прав собственника и судебная защита.

Каждый гражданин может обратиться в суд любой инстанции – от районного до конституционного – с иском о покушении на его права собственника, т.е. на хищение его собственности: и требовать судебной защиты своих прав собственника, ибо только решением суда он может быть лишён собственности.

Суд должен подтвердить его права собственника и обязать тем самым органы власти обеспечить эти права. У суда нет оснований лишить прав собственности или не признать таковых – не позволяет ни Конституция, ни тот факт, что РФ приняла на себя оставшуюся после СССР собственность в форме общенародной собственности. Таким образом, решение правового суда предсказуемо.

Но!

Надо позаботиться об общественном параллельном иске и общественной защите.

Надо объединять усилия по защите прав собственника, в т.ч., создавать общественные институты защиты и освоить судебную защиту на практике.

Анатолий Вайнер

Я – ДОЛЖНИК

Без друзей и врагов жить нельзя –
Есть враги у меня, есть друзья.
Каждый день остаюсь я в долгу,
Коль не дал я отпора врагу.
Я сегодня в долгу. Как вчера,
Коли другу не сделал добра.
Я – должник, я всё время в долгу
И без этого жить не могу.
А не так, то, наверно, б солгал,
Что не должен друзьям и врагам.
Жизнь, поверьте, мне очень нужна –
Я хочу расплатиться сполна.

Ольга Алферова

Как много нам отпущено чудес,
А мы считаем всё обыкновенным.
Обычны небо, речка, лес...
И всё обычно во Вселенной.

И яркость звёзд, и полная луна,
И радуга, и молния привычны,
И русская родная сторона
С такой историей трагичной.

Какая серость в нас самих,
Когда считаем мы прекрасное обычным,
Не замечая ни святынь своих,
Ни родины своей величья.

Как жаль себя за нашу слепоту,
За то, что пялимся всё время мы на Запад,
И топчем нашу красоту,
Что задохнётся в иноземных лапах.

Я за то, чтобы при жизни не жалели
Мы друг другу добрых дел и слов,
Чтоб сердца, умы не леденели,
Если жизнь выстуживает зло,
Если кто-то в душу “камень бросил”,
Оболгал, надежды обманул...
В жизни всё бывает и зима и осень,
А в душе храни Весну одну!
Чтобы друга, брата словом, делом
Обогреть душа твоя могла,
Чтоб всю жизнь костром она горела
Для добра, а зло как мусор жгла.

